

Летняя фауна птиц высокогорного пояса Тордоки-Яни (центрально-северный Сихотэ-Алинь) по наблюдениям 1980 года

А.А.Назаренко

Александр Александрович Назаренко. Лаборатория орнитологии. ФНИЦ Биоразнообразия ДВО РАН. Проспект 100-летия Владивостока, д. 159, Владивосток, 690022, Россия.
E-mail: birds@biosoil.ru

Поступила в редакцию 15 октября 2019

В рамках работ по изучению фауны высокогорий юга Дальнего Востока России полевой отряд Биолого-почвенного института ДВО АН СССР в составе орнитолога, двух энтомологов, двух студентов-практикантов Дальневосточного государственного университета (ДВГУ) и лаборанта-териолога 17 июня 1980 высадился на вертолёте Ми-8 Хабаровского аэропорта в истоках речки Бомболи на северо-западном макросклоне горы Тордоки-Яни (Сихотэ-Алинь) на высоте 1370 м н.у.м.

Планировалось, что эти работы должны были занять две недели. Соответствующим образом готовилась и эта экспедиция. К сожалению, реальность оказалась существенно иной. Но это позволило более основательно ознакомиться с фауной этого района от верхнего гольцового пояса и до приречных сообществ в долине большой реки Анюй на высоте 400 м н.у.м., огибающей по дуге Тордоки-Яни с востока и севера и впадающей в Амур, в период с 17 июня по 12 июля 1980.

Тордоки-Яни (на некоторых картах Тардоки-Янги) – самый высокий (2090.4 м н.у.м.) и обширный гольцовый массив Сихотэ-Алиня. Его координаты: 48°53'50" с.ш., 138°03'10" в.д. (рис. 1). От Хабаровского аэропорта это 220 км. Это ряд хребтов, рассечённых так называемыми троговыми долинами (рис. 2), образованными ледниками в эпохи похолоданий плейстоцена. В подобных местах, рядом с альпинотипным рельефом (скальными обнажениями), находятся довольно обширные участки горизонтальных, либо слабонаклонных поверхностей, каменистых, либо не очень, занятых горными тундрами и, ниже, в пределах 1400-1600 м н.у.м., зарослями кедрового стланика *Pinus pumila*. Экологическая специфика этого оригинального и важного растения – полегание осенью его ветвей так, что зимой они полностью скрыты под снегом. Незабываемое зрелище в тёплый день середины июня: ветви вдруг резко изгибаются кверху, разбрасывая в стороны ещё не растаявший на них снег.

Верхняя граница леса в этом районе находится в пределах 1500-1600 м н.у.м. Преобладают елово-пихтовые леса. Часто, но не всегда,

верхняя опушка леса образована низкорослыми насаждениями каменной берёзы. Последние встречаются и ниже. Например, наш лагерь на высоте 1370 м располагался в слабосомкнутом каменноберезняке.

Рис. 1. Местоположение горы Тордоки-Яни на северном Сихотэ-Алине.

Рис. 2. Общий вид на троговую долину на Тордоки-Яни. Снимок сделан с высоты 2031 м н.у.м. 10 июля 2018. Фото В.Беркова.

Экологический колорит долин горных водотоков на выположенных участках создают небольшие озёра и луга (рис. 3). У нашего лагеря это озеро Верхнее, лишь частично растаявшее к нашему появлению, в живописном каменном «бордюре». И кочкарниковый луг, местами с куртинами кустарников, площадью несколько гектаров, образовавшийся, возможно, не без участия обширного снежника. Интересно, что в полукилometре ниже по течению более крупное озеро было просто окружено лесом. На окраине этого луга у нашего лагеря было несколько своеобразных озёрушек диаметром 2-3 м, очень удобных для умывания. Но когда в них нужно было заходить, сняв лишнюю одежду, очень хорошо ощущалось, что вода в них сверху даже тёплая, а босые ноги стоят на льду.

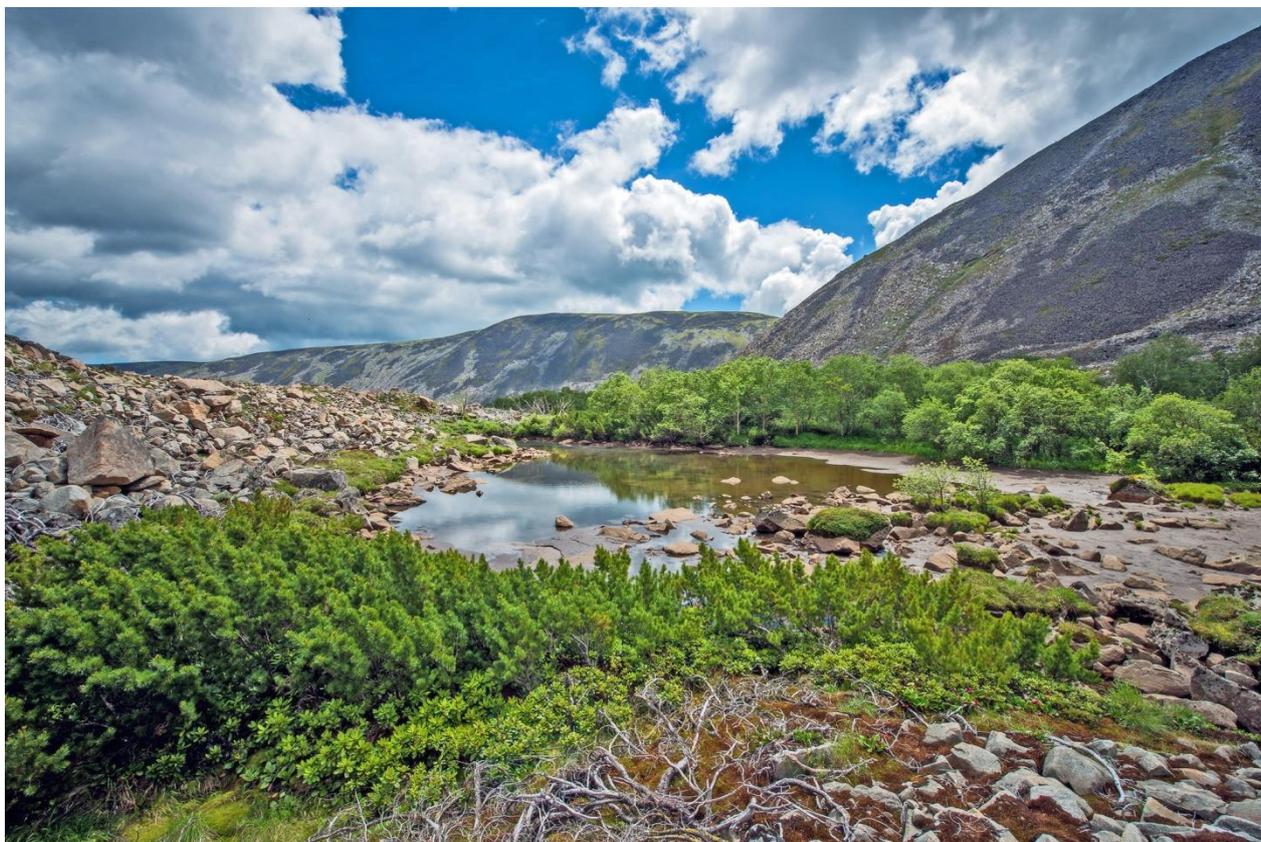

Рис. 3. Одно из озёр в долине. В подобном месте располагался наш лагерь 40 лет тому назад. На переднем плане куртина кедрового стланика и его «останки». 10 июля 2018. Фото В.Беркова.

Об авифаунистическом списке

Поскольку в полевом дневнике строгой упорядоченности видов не было, последовательность таксонов принята по сводке Ю.Н.Глущенко, В.А.Нечаева и Я.А.Редькина (2016). Но имеются некоторые номенклатурные расхождения. Приводятся лишь наиболее интересные виды и факты.

Каменушка *Histrionicus histrionicus*. У нашего лагеря мы застали небольшое сообщество, состоящее из пары, одного одиночного самца

(проявлял демонстративное поведение) и на удалении двух самок. Каменушки наблюдались не только на озёрах, но и на нашем каменистом и крутом ручье. В последнем случае они могли неожиданно взлетать буквально в нескольких метрах. К концу июня самцы исчезли.

Тетеревятник *Accipiter gentilis* subsp.? Молодой прошлогодний (продольная исчерченность низа) самец встречен 18 июня в верхней части обширного скального обрыва (кара) на высоте около 1750 м н.у.м. Сидел на камне и энергично вертел головой. Возможно, высматривал пищу *Ochotona* sp. Несколько болезненно отреагировал на моё появление: сначала подал тревожный голос «ке, ке, ке...» (чем и привлёк к себе внимание), а затем спикировал на меня, но метров за 20 резко свернул в сторону и исчез в соседнем каре. Альпийские завирушки при его появлении спрятались в камнях.

Восточный канюк *Buteo japonicus* (Temminck et Schlegel, 1884). Отмечен лишь однажды, 25 июня, но в классической обстановке: «висел» над склоном в воздушном потоке обтекания, высматривая пищу. Эта местность находилась на высоте примерно 1900 м н.у.м. Кстати, в том году численность пищух была небольшой, но отмечались они повсеместно от нашего лагеря до высоты 2090 м.

Рябчик *Tetrastes bonasia*. На окраине нашего лагеря в 2 м от моей палатки в открытом кверху полудупле выворотня высотой 1.5 м было обнаружено гнездо рябчика. Птица вылетела из укрытия, когда я случайно вплотную подошёл к выворотню. 30 июля вывелись 7 птенцов, 1 яйцо оказалось болтуном. Птица вела себя поразительно скрытно. Рябчики, в том числе их птенцы-поршки, попадались и выше, вплоть до верхней границы леса.

Зелёный конёк *Anthus hodgsoni*. Обычен, но территориальное распределение этого вида не во всём понятно. По частоте встреч можно составить следующие характеристики предпочитаемых местообитаний.

1) Крутые и даже очень крутые крупнообломочные и даже скалистые склоны, их участки, частично задернованные и с куртинами кедрового стланика. Вверх до 2000 м, без преувеличения, птицы действительно наблюдались и пели рядом с альпийскими завирушками и синехвостками. В целом конёк отдаёт предпочтение южным склонам, где травянистая растительность в большей степени образована злаками.

2) Некрутые каменистые склоны южной экспозиции с лишайниково-кустарниковым и злаковым (у ручьёв и озерков) покровом и куртинами стланика, от 1900 м и ниже. Именно эта среда является типичной для данного вида в высокогорьях Сихотэ-Алиня.

3) Поляны разнотравья у верхней границы леса с участием криволеся каменной берёзы. Численность подобных локальных поселений невысокая, и основным фактором здесь является позднее, к 20-м числам июня, таяние обширных снежников. Подобные места начинают за-

селяться птицами со второй половины июня. Подробно эта ситуация рассмотрена в Полевом дневнике (Назаренко 1980, с. 21-23).

Гольцовый конёк *Anthus (rubescens) japonicus* (Temminck et Schlegel, 1847). Таксономический комментарий. Несмотря на успехи «молекулярной систематики» и комплексного рассмотрения традиционных, в том числе окрасочных признаков, таксономические отношения между популяциями гольцовых коньков Старого и Нового Света остаются неясными. «Эти расы могут представлять более, чем один вид». Здесь приведён именно этот вариант. Его ареал: «N, S, and E. Russia (del Ного, Collar 2016, p. 736, № 10).

Экологический контекст. Обычен, распределение и характер местобитания типичны для центрального Сихотэ-Алиня: горная кустарничковая и лишайниковая тундра, каменистая и не очень, горизонтальные либо некрутые участки склонов, вплоть до 2090 м. Нижние пределы обитания строго не выяснены. На крутых склонах каров ни разу не наблюдался. Таким образом, птицы игнорируют участки, которые занимают севернее: на Баджальском хребте (рис. 1), что к северу от долины Амура (мои неопубликованные данные).

Поведение. В период наблюдений (вторая половина июня – начало июля) птицы вели себя довольно скрытно, в том числе вяло пели и далеко не все. Так что истинную численность этой популяции не удалось определить, и осталось впечатление, что численность местной популяции ниже, чем севернее, на Баджальском хребте.

Добытый самец от конца июня имел несколько спавшие семенники, у самки от этого времени было хорошо развитое наседное пятно и совсем небольшой гроздевидный яичник. Судя по поведению самки, она была просто встревожена, а не согнана с гнезда.

Гольцовые коньки очень любят камни, садятся и взлетают с них во время песенной демонстрации. Сам токовой полёт – это крутой и сильный взлёт на высоту 100-150 м с громкой позывкой вроде «*ри, ри, ри, ри...*», а затем такое же крутое снижение на полуприжатых крыльях и сильно приподнятом хвосте с позывкой «*си, си, си, си...*». Затем короткий полёт над самой землёй и посадка на камень. Взлётно-песенная демонстрация всегда осуществляется против ветра. Собственно тревожную позывку случилось услышать лишь в самом конце июня.

Горная трясогузка *Motacilla cinerea*. Обычна, местообитания – горные ручьи и речки, моренные озёра, в том числе у нашего лагеря, каменные развалы и скальные участки стен каров в местах перехода горизонтальных поверхностей в склоны. Преимущественно это южный макросклон, вверх до 2000 м. В подобных условиях горные трясогузки поют и летают демонстративным полётом. К сожалению, гнёзда этого вида не были найдены. Слётки, уже довольно хорошо летающие (рулевые перья достигли трети от дефинитивной длины) наблюдались 8 и

9 июля на ручье Бомболи, на котором мы стояли, на высоте примерно 1400-1450 м н.у.м.

Кедровка *Nucifraga caryocatactes*. Повсеместно кедровки стали отмечаться с начала июля. К 9 июля было добыто 6 экз. в ельниках в бассейне истока ручья Бомболи. Почти у всех началась либо уже проходила линька оперения тела и хвоста. Питание: в желудках почти у всех – орешки кедрового стланика из прошлогодних запасов. Из других объектов – преимущественно жуки.

Ворон *Corvus corax*. В обследованной части вершины Тардоки-Яни, недалеко от нашего лагеря, постоянно наблюдалась семья воронов, судя по поведению и состоянию оперения – две молодые птицы, уже уверенно летающие, и их родители. Изредка держались все вместе, но чаще поодиночке либо парами. Взрослых отличало то, что они постоянно демонстрировали в воздухе – переворачивались сбоку на бок. Обратило на себя внимание то, что вороны постоянно посещали обширный снежник на противоположном, западном склоне нашей долины, выше пояса кедрового стланика. При первой же возможности я поднялся туда. Оказалось, что вся его горизонтальная поверхность была покрыта многими сотнями, возможно, тысячами небольших и мелких крылатых насекомых. Видимо, более крупные уже были собраны воронами. На следующий день наши энтомологи собрали уникальный материал по дальним заносам этих насекомых. Некоторые из них, как божьи коровки, являются строгими обитателями аграрного ландшафта. Возможно, в сумерках снежник выступает как источник света, привлекающая к себе летящих насекомых. Кстати, они были добычей не только воронов (см. ниже).

Альпийская завирушка *Laiscopus collaris* Scopoli, 1769. Таксономический комментарий. В сводке «Птицы Приморского края» (Глуценко и др. 2016, с. 292) этот вид рассматривается как принадлежащий к роду *Prunella*. В современных таксономических сводках (del Hooy, Collar 2016, p. 694-695, № 1, 2) мягко отмечено, что вид, описанный как *Accentor himalayanus* Blyth, 1842, иногда рассматривается в составе рода *Laiscopus*, причём второй вид является типовым для этого рода. Однако оказалось, что имеется более корректная информация: *Laiscopus* Gloger, 1841, тип по монотипии *Sturnus collaris* Scopoli (Ripley 1982, p. 489). Мне хорошо известны признаки и повадки альпийской и сибирской завирушки *Prunella montanella* в природе (Назаренко 1979, с. 8-11). Они радикально различаются у этих видов по всем возможным параметрам: морфологии, размерам и повадкам, в том числе манерами полёта и передвижения, вокализации разной направленности. У альпийской завирушки, к тому же, поют самки, видимо, поэтому они и выглядят ярче. И их экологические среды радикально разные.

Среда обитания. Альпийская завирушка обычна. Её местообита-

ния – каменные развалы, скалы и осыпи от 1700 до 2090 м н.у.м. Пара наблюдалась на самой вершине. Между прочим, в подобных каменных развалах, в особенности на их горизонтальных участках, всегда в большом количестве можно было наблюдать небольших чёрных пауков, которые не плетут паутиновых сетей. Видимо, это важный кормовой ресурс. В случаях, когда поверхность круто обрывается, к гнездовому участку можно было просто подойти сверху. В начальный период наблюдений завирушки энергично пели и преследовали друг друга. По впечатлению, песня более проста и менее мелодична, чем у птиц из южного Забайкалья (Назаренко 2016а, с. 3967). 29 июня наблюдал птицу, судя по яркой окраске – самку, которая сначала кормилась сама, а затем стала собирать корм на поверхности снежника (на высоте 1700-1750 м н.у.м.), а потом с кормом улетела вдоль скальной стены. К этому времени пение почти прекратилось, и слышимые звуки, возможно, касались выяснения территориальных отношений.

Сибирская завирушка *Prunella montanella*. Некоторые экологические аспекты. Обычна, характерный обитатель зарослей кедрового стланика, вверх до их предальпийской мозаики и вниз до верхней границы леса, примерно 1300-1600 м н.у.м. 18 июня внутри обширного и сплошного стланика на склоне средней крутизны (примерно 1500 м) я нашёл гнездо. Оно находилось на высокой выступающей ветке на высоте 1.5 м и было хорошо заметно издалека. 4 яйца были тёплыми, но птицы себя не обнаружили. Общая окраска яиц зеленовато-голубая. Основа гнезда – зелёный мох, стенки гнезда очень толстые. 22 июня нашёл прошлогоднее гнездо (разорено: остатки скорлупы) в опушечных зарослях редкостойного елово-каменноберёзового леса на дне кара на высоте примерно 1500 м н.у.м. Оно помещалось на отдельно растущей ёлочке в 1 м от земли. 11 июля в черте верхней опушки леса на высоте примерно 1550 м н.у.м. найдено гнездо с 3 тёплыми яйцами, взрослых птиц не обнаружил. Гнездо помещалось на невысокой ёлочке в 1 м от земли. Внутренний диаметр лотка 56 мм, глубина 43 мм. В этом же месте обнаружил 2 молодых птиц, видимо, недавно оставивших гнездо. Взрослых птиц не заметил. Они издавали типичную видовую позывку. Интрига в том, что в период гнездования взрослые птицы перестают её издавать (Назаренко 1979, с. 10). В данном районе позывки у взрослых можно было слышать первые 2-3 дня, но не более.

Пеночка-таловка *Phylloscopus (borealis?) hylebata* Swinhoe, 1860. Таксономический комментарий. Недавно Я.А.Редькин в коллективной монографии «Птицы Приморского края, краткий фаунистический обзор» (Глуценко и др. 2016, с. 312-314) подтвердил, что гнездящаяся популяция таловок Сихотэ-Алиня должна носить имя *hylebata*. По крайней мере, в данном регионе она имеет свой вокальный вариант. В другом справочнике (Del Hooy, Collar 2016, p. 488-489, № 55) указано, что

монотипический вид *Ph. borealis* состоит из нескольких рас (races): *talovka*, *trasbaikalensis*, *hylebata*, и для каждой указан ареал. Для последней формы это северо-восточный Китай, юго-восточная Россия и северная Корея. И никакого перечня подвидов со всей необходимой фактологией для каждого (как в случаях, когда подвиды признаются).

В данном районе это обычный вид верхней опушки леса на стыке и с частичным перекрытием с поясом кедрового стланика. Здесь повсеместны и кустарниковые заросли, и поляны разнотравья. В нашей троговой долине это от 1350 м н.у.м. и выше. Типичный облик гнездового участка – большая ель в окружении обширной куртины кедрового стланика. На вершине ели – песенный пост: птицу слышишь, но не видишь. И не добудешь! Знакомство с таловкой на многих вершинах позволило обнаружить одну характерную деталь: плотность популяции этого вида в период гнездования намного ниже, чем у всех других пеночек. Так, например, находясь на склонах выше верхней границы леса с хорошим пространственным обзором, никогда не удаётся услышать более 2-3 птиц, поющих в разных местах одновременно. А песня у них очень громкая.

Зелёная пеночка *Phylloscopus (trochiloides?) plumbeitarsus* Swinhoe, 1861. Обычна, но численность (в данном году?) невысокая. По этой причине популяция была несколько «ужата» снизу: у нашего лагеря, 1350 м н.у.м., зелёных пеночек не было. Зато в небольшом числе они были обнаружены в зарослях кедрового стланика (как и на горе Облачная в 1975 году). Основная же часть популяции была приурочена собственно к верхней границе леса.

Бурая пеночка *Phylloscopus fuscatus*. Характерный обитатель собственно зарослей кедрового стланика – от уровня нашей троговой долины (1300 м н.у.м.) и до верхнего предела этого пояса, где стланик в виде куртин ютится в различных западинах и едва возвышается над уровнем каменных осыпей, развалов или горной тундры. Кроме того, это днища каров, долины горных ручьёв, местами на довольно крутых склонах. Случалось видеть, что бурые пеночки поют сидя на выступающих камнях.

Толстоклювый черноголовый чекан *Saxicola stejnegeri* (Parrot, 1908). Неожиданным образом чеканы были обнаружены на гнездовании на лугу у нашего лагеря, что на высоте 1350 м н.у.м. 2 июля энтомолог Г.Ш.Лафер при проверке цилиндров для отлова жуков обнаружил гнездо с 5 птенцами примерно 1-2-дневного возраста. Очевидно, птицы на гнездовом участке в период насиживания ведут себя крайне скрытно. В данном случае самка вылетела буквально из-под ног, обнаружив и себя и гнездо. На короткое время появился и самец. Я неоднократно ходил по этой части луга и Г.Ш.Лафер ранее много времени провёл на этом месте, вкапывая цилиндры. При последующих посе-

щениях этого места чеканы стали издавать две-три тревожные позывки, а затем исчезали, а в последующем более активно реагировали на наше появление. Оказалось, у самца есть постоянный наблюдательный пункт на высоком ивовом кусте, и его в бинокль можно было издали увидеть на этом месте. Вечером 11 июля в другой части этого луга с большим участием кустарников была обнаружена ещё одна тревожащая пара. В принципе на этом лугу можно было ожидать ещё одну-две пары чеканов. Утром 12 июля на лугу и у нашего лагеря был заморозок: на небольших лужах образовался тонкий ледок.

Соловей-красношейка *Calliope calliope* (Pallas, 1776). Номенклатурный комментарий. Современные молекулярно-генетические исследования показали, что этот вид должен рассматриваться в составе родовой группы *Calliope* (del Hoyo, Collar, 2016, p. 644-645, № 190).

Обычен, экологическая локализация классическая: весь пояс кедрового стланика и другие древесно-кустарниковые заросли от уровня троговой долины у нашего лагеря и до высот, где куртины стланика разбросаны между участками каменных развалов и горной тундры. Самцы спокойно пели по вечерам, но с начала июля стали более беспокойными, можно было наблюдать и самок в состоянии тревоги. Но вечернее пение сохранялось.

Синехвостка *Tarsiger cyanurus*. Обычна. Как и везде (Глущенко и др. 2016, с. 355), населяет преимущественно верхний пояс таёжных лесов. Но на Тордоки-Яни (Полевой дневник, с. 9-11) нас ожидала полная неожиданность: синехвостки были встречены на крупнообломочных осыпях, каменных развалах и на стенах каров вплоть до верхнего уровня вершины. Ещё одна деталь – это преимущественно крутые склоны. Неоднократное посещение одних и тех же мест показало, что птицы здесь держатся постоянно, поют, сидя на выступающих камнях, или издают тревожные позывки. И их соседями являются альпийские завирушки и зелёные коньки. Кстати, в конце июня синехвостки ещё очень энергично поют. Естественно, синехвостки населяют и верхнюю границу леса: каменноберезняки с полянами и куртинами стланика, но в сплошных обширных зарослях стланика не наблюдались. А при спуске 14-16 июля в долину реки Анюй птицы в приручейных ельниках наблюдались повсеместно (Полевой дневник, с. 50). Возможно, для данного региона общая численность популяции как раз в тот год была значительной.

Юрок *Fringilla montifringilla*. Северная половина Сихотэ-Алиня относится к южной периферии гнездовой части ареала юрка, причём и эта периферия крайне неустойчива в контексте времени и пространства. Это вытекает из краткого обзора по этому виду (Глущенко и др., 2016, с. 392). В год нашего визита на Тордоки-Яни юрки в этом районе всё-таки загнездились. Это следует из присутствия и поведения взрос-

лых самцов. Конкретное место встречи: редкостойный ельник с полянами и куртинами каменной берёзы в истоках ручья Бомболи, плоское днище кара, высота 1500 м н.у.м. Две птицы в разных местах выдали себя тревожной позывкой – рюением, а затем их удалось и увидеть. Они отмечались и при повторных визитах в это место по упорному рюению. 27 июня я долго наблюдал за одним самцом. Он был крайне осторожен, сидел на вершине ели и непрерывно рюнил. Все свидетельствовало о близости гнезда. Но другая птица, самка, не была замечена. Интересно, что у нашего лагеря, где вполне подходящая обстановка, юрки не наблюдались. 8 и 9 июля я вновь посетил то место, но никого не услышал и не увидел. 14-16 июля наблюдения за этим видом проведены в долине реки Анюй у подножья Тордоки-Яни. На прилежащих склонах старые (зрелые) ельники, на сырых участках в долине – разные варианты лиственничников, включая и лиственничные мари. «Сейчас (14-16 июля) молодые уже достигли размера взрослых птиц, выводки объединяются в стаи, последние довольно подвижны. Но позывки молодых птиц слышны повсеместно, видимо, взрослые их ещё подкармливают. Стаи держатся в кронах высокоствольных насаждений. Видимо, всецело насекомоядные. Данный район – пока наиболее южная установленная граница ареала» (Полевой дневник, с. 43-44).

В целом все гольцовые вершины Сихотэ-Алиня и прилежащих горных хребтов – это «экологические острова», и их биота, в особенности птицы, ярко демонстрируют эффекты наличия-отсутствия видов – итога как исторических событий плейстоцена (Назаренко 2016 б), так и текущих событий, вызванных неизбежным прохождением стадии «малых островных популяций». Здесь желателен долговременный мониторинг.

О нашем быте

Минуло более двух недель нашего пребывания в горах, и я, как руководитель полевого отряда, стал подозревать, что у нас возникли проблемы с отделом ПАНХ (Применение авиации в народном хозяйстве) Хабаровского аэропорта, поскольку рейс за нами был уже проплачен.

Пришлось экономить на еде и переходить на «подножный корм». Рано утром, когда лагерь ещё спал, я натошак уходил стрелять кедровок и рябчиков (у меня был манок на рябчика), но и тех и других было мало. У нашего лагеря были добыты три каменушки, одна из них имела наседное пятно, т.е. она насиживала кладку.

У нас были хорошие топографические карты района и мы знали, что в 40 км от нас, вниз по Анюю и в сторону, расположена гидрометеостанция Солекуль, действующая и по настоящее время, через которую только и была возможна связь с внешним миром.

12 июля в 14 ч мы оставили наш лагерь с оставшимися вещами в одной общей палатке и с детальным руководящим посланием для эки-

пажа вертолѐта (оно сохранилось) о нашем маршруте, и местах, где нас следует искать. Но вертолѐт так и не появился.

13 июля к обеду, после ночѐвки дорогой, мы вышли на Анюй. У одного из наших энтомологов оказались рыболовные снасти. Я свою самодельную палатку с двойной крышей (верхняя из прозрачного полиэтилена) поставил прямо на берегу. Это было очень кстати, поскольку червей мы не нашли, зато под прозрачный тент палатки ежедневно набивались многие десятки очень крупных слепней. Они вполне заменили нам червей. Тонкие лески рвались, а крючочки разгибались, потому что в реке водилась крупная и очень крупная рыб. Но все-таки мы её ловили! А я, кроме того, с остатками боеприпасов, стрелял всё, что было доступно и разумно. К этому времени у нас не осталось ни соли, ни сахара.

Наиболее бодрыми из нас были В.Н.Кузнецов и его студент, они и отправились на метеостанцию Солекуль, имея на руках текст телеграммы на имя руководства ПАНХа и копию на имя Первого секретаря Хабаровского крайкома КПСС А.К.Чѐрного о нашем бедственном положении. Дорога ожидалась очень трудной, поскольку на реке было много «прижимов» – отвесных скал прямо от уровня воды, которые можно было преодолевать только по верху. Но им повезло, они вышли на зимовьѐ, и студент сразу выпил банку сгущенного молока...

Мы также не сидели без дела. По утрам, помимо «охоты», я просто наблюдал птиц. Например, на реке у нашего лагеря на речном прижиге постоянно держалось семейство воронов, до нас доносились их голоса. Но чем они там могли питаться, так и осталось неясным. Мы подготовили площадку для приѐма вертолѐта, вырубив соответствующий участок мелколесья и кустарников, и через пару дней он прилетел. И это было очень вовремя, поскольку рыба на прилегающем участке реки стала исчезать, очевидно, её запасы были небольшими. А я всё чаще стал ощущать, что мне больше хочется лежать, чем ходить. Вторым рейсом, где был В.Н.Кузнецов, нам привезли наш груз с Тордоки-Яни. Но нас не отвезли в Хабаровск, очевидно, сумма, оплаченная нашим институтом, оказалась недостаточной для этого. Мы оказались в посѐлке Троицкое, административном центре Нанайского района, на берегу Амура, где был вокзал для проходящих пассажирских катеров на подводных крыльях. Там мы немного «отъелись» и заночевали: спали просто на голых скамьях. Лишь к вечеру на пассажирском катере мы добрались до Хабаровска. И только через месяц некоторые из нас, но не все, заметно поправились...

Заключение

Тордоки-Яни, в связи с проведѐнной «трансконтинентальной» дорогой Лидога (Амур) – Ванино (морское побережье), включая большой

мост через реку Анюй – ныне земля обетованная для туристов всех мастей. К сожалению, экологический облик этой самой высокой вершины Сихотэ-Алиня вследствие уже изъятых ресурсов древесины и «природных» пожаров – вплоть до пояса кедрового стланика, радикально изменился, что прекрасно видно на многочисленных фотографиях в интернете, включая кадры с останками кедрового стланика (рис. 4). Кедровый стланик, как известно, не имеет никакой коммерческой ценности, но важен как природная среда для популяций целого ряда видов птиц, что и показано в данной работе.

Рис. 4. Гора Тордоки-Яни. На переднем плане – остатки сгоревшего кедрового стланика. 10 июля 2018. Фото В.Беркова.

В настоящее время горный массив Тордоки-Яни является памятником природы Хабаровского края (памятник природы регионального значения «Гора Тордоки-Яни»)*, рядом проходят границы Анюйского национального парка†. В контексте современной реальности, это, скорее всего, памятник былой природе.

Считаю свои приятным долгом выразить признательность моей жене и коллеге Марине Владимировне Павленко (ФНИЦ Биоразнообразия ДВО РАН) за всестороннюю помощь при подготовке рукописи к печати. Благодарю Виталия Беркова, любезно предоставившего прекрасные фотографии современного состояния высокогорной среды гольцового массива Тордоки-Яни.

* <http://oopt.aari.ru/node/18798>

† <http://oopt.aari.ru/node/18284> и <http://oopt.aari.ru/node/6699>

Литература

- Глушченко Ю.Н., Нечаев В.А., Редькин Я.А., 2016. *Птицы Приморского края: краткий фаунистический обзор*. М.: 1-523.
- Назаренко А.А. 1979. О птицах высокогорий Сихотэ-Алиня // *Биология птиц юга Дальнего Востока СССР*. Владивосток: 1-15.
- Назаренко А.А. 1980. Птицы гольцового массива Тардоки-Яни, 2090.8 м н.у.м., северный Сихотэ-Алинь, 17 июня – 11 июля 1980 г. // *Полевой дневник*: 1-53 (рукопись).
- Назаренко А.А. 2016а. К орнитофауне Хэнтэй-Чикойского нагорья, южное Забайкалье // *Рус. орнитол. журн.* **25** (1352): 3957-3973.
- Назаренко А.А. 2016б. К истории орнитофауны субальпийского ландшафта гор Сибири и Дальнего Востока // *Рус. орнитол. журн.* **25** (1383): 5005-5019.
- del Hoyo J., Collar N.J. 2016. *Illustrated Checklist of the Birds of the World*. Vol. 2. Passerines. Barcelona: 1-1013.
- Ripley S.D. 1982. *A Synopsis of the Bird of India and Pakisntan*. Bombay: 1-652.

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск 1842: 5083-5087

Материалы к распространению обыкновенного снегиря *Pyrrhula pyrrhula* в Челябинской области

В.А. Гашек

Валерия Александровна Гашек. ОГУ «Особо охраняемые природные территории Челябинской области». Ул. Карла Маркса, д. 72а, Челябинск, 454091. E-mail: gashek_va@mail.ru

Поступила в редакцию 25 октября 2019

Обыкновенный снегирь *Pyrrhula pyrrhula* остаётся малоизученным видом в восточной части российского ареала (на восток от Урала). Сведения о его гнездовой биологии и экологии довольно скудны. Данных о численности и гнездовании в Челябинской области крайне мало, что объясняется скрытностью этих птиц в период размножения, труднодоступностью гнездовых биотопов в лесной зоне (в северной части области), где плотность населения снегиря более высокая, и малочисленностью в лесостепной и степной зонах. Случаи гнездования были описаны для Картубайского бора, находящегося в степной зоне области (Гашек 2002) и Каштакского бора – в средней лесостепи (Тарасов и др. 2018). В Санарском бору (южная лесостепь) регистрировали слётков с самкой во второй декаде июля (Гашек 2016). В Челябинском (городском) бору наблюдали спаривание, самка при этом была с гнездовым материалом в клюве (Гашек и др. 2018). Пару снегирей отмечали в период размножения в Карагайском заказнике, расположенном в степной зоне (Гашек и др. 2019).